

005062343

На правах рукописи

Убушиева Бамба Эрендженовна

**ЛЕКСИКА КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН
(КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность: 10.02.22 – «Языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)»

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

27 ИЮН 2013

Элиста – 2013

Работа выполнена на кафедре калмыцкого языка и монголистики
Института калмыцкой филологии и востоковедения
ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»

- Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Омакаева Эллара Уляевна
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Пюрбеев Григорий Церенович
- доктор филологических наук
Бурькин Алексей Алексеевич
- Ведущая организация: ФГБУН Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Защита состоится 27 июня 2013 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.305.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Калмыцком государственном университете по адресу: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11, корп. 1а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» (358011, Республика Калмыкия, г. Элиста, 5 мкр., студгородок)

Автореферат разослан «28» мая 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

 Бадмаев Б.В

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в русле когнитивно-семантического описания языка, для которого существенными являются представления системности лексики.

В лингвофольклористике общелингвистическая проблема слова и текста приобретает свою специфику, связанную с феноменом как самого устно-поэтического языка, так и фольклорного жанра. Уникальная способность слова к аккумуляции в своей семантической структуре культурно-исторического опыта этноса, с одной стороны, даёт возможность получить важную информацию, необходимую для адекватной интерпретации фольклорного текста, с другой стороны, вызывает известные трудности при его переводе с одного языка на другой. Анализ лексических единиц в работе осуществляется в условиях текстового функционирования, поэтому песенный текст явился отправным пунктом исследования.

Язык отдельных жанров калмыцкого фольклора, в частности, народно-песенной поэзии, малоизучен, что и определяет востребованность настоящей работы. **Актуальность** темы диссертационного исследования связана в первую очередь с необходимостью устранения образовавшегося пробела в научном изучении вербальной составляющей калмыцкой народной песни как особой синтетической словесно-музыкальной жанровой разновидности фольклорной речи путем лингвистического осмысления песенного текста. Актуальность работы обусловлена и общим возросшим интересом лингвистов к тексту вообще и к феномену фольклорного текста в частности.

В качестве **объекта** исследования был избран текст калмыцкой народной песни, **предметом** изучения стала его лексическая система с точки зрения когнитивной семантики и функции входящих в нее слов, способов языковой (лексической) репрезентации знаний о мире, закономерностей семантической организации текста как воплощения песенной версии калмыцкой фольклорной картины мира. Феномен песенного слова раскрывается с учетом культурных смыслов, аккумулярованных в отдельных лексемах и в их совокупностях как экспликантов этнической ментальности.

Степень изученности проблемы. Калмыцкие песни неоднократно привлекали к себе внимание фольклористов и музыковедов. Имеющиеся монографические работы носят преимущественно искусствоведческий характер, они посвящены в основном музыкальному аспекту народной песни, вербальной составляющей этого синтетического жанра исследователи касаются попут-

но. Более обстоятельный анализ различных проблем изучения песенного фольклора монгольских народов содержится в фольклористических работах (Г. Д. Санжеев, П. Хорлоо, М. И. Тулохонов, Н. О. Шаракшинова, К. Н. Яцковская, И. В. Кульганек, Н. Ц.Биткеев, Б. Б. Оконов, Т. Г. Басангова, Е. Э. Хабунова и др.), но здесь филологический анализ по вполне понятным причинам не ориентирован на выявление языковой специфики песенного жанра. Разработка собственно лингвистических проблем, связанных с изучением калмыцкой народной песни, находится в стадии становления. Роль слова в песне не менее важна, чем музыка, что отражено в диссертационном исследовании Банзрагчийн Дэдэрмаа, посвященной лексическим особенностям поэзии монгольской народной торжественно-эпической протяжной песни [Дэдэрмаа 2005]. Хотя за последние десятилетия в монголистике был опубликован ряд исследований, в которых анализу подвергались различные аспекты языка калмыцких песен [Омакаева 2008-2012], многие проблемы остаются по-прежнему нерешенными. Это касается прежде всего системности лексики песни, специфики семантической структуры и внутритекстовых связей песенного слова, поскольку идея систематизации и структуризации семантики лексических единиц в когнитивном осмыслении стала предметом особого внимания монголистов лишь в начале XXI столетия. В связи с этим особое значение приобретает выявление семантического своеобразия лексических единиц калмыцкой народной песни и соотнесение последних с фрагментами языковой картины мира. Системный подход к исследованию лексики представлен в трудах Курской [Хроленко 1992, 1988, 1998; Бобунова, Хроленко 2000 и др.] и Воронежской [Артеменко и др.] лингвофольклористических школ, а также реализован в ряде этнолингвистических работ на материале славянских, романо-германских и тюркских языков.

Целью данной работы является выявление базовых номинативных средств, составляющих ядерную часть калмыцкого песенного лексикона и языковое своеобразие народной песни, как способов лексического представления ключевых концептов фольклорного текста.

Поставленная цель предполагает решение ряда исследовательских задач:

1) обоснование языковой специфики фольклорного текста и выявление жанровых признаков калмыцкой народной песни на основе обзора истории развития и научных исследований данного жанра;

2) выявление доминантной лексики как концептуально-значимого блока

лексем в анализируемом корпусе калмыцких песенных текстов, репрезентирующего определенный фрагмент фольклорной картины мира;

3) установление ядерного частеречного состава выявленной доминантной знаменательной лексики калмыцкой народной песни;

4) анализ семантически связанных ключевых лексем в рамках лексико-семантических групп (ЛСГ) и их сочетаемости с учетом внутритекстовых связей;

5) определение степени специфичности песенных лексических единиц, обусловленной канонами жанра.

Источниковой базой исследования выступили оригинальные тексты 260 калмыцких народных песен разного временного периода, опубликованные в различных сборниках и записанные в ходе экспедиций. Это тексты, зафиксированные собирателями в XIX-XX вв., а также собственные полевые материалы автора. В качестве дополнительных источников послужили сведения о духовной и материальной культуре калмыков, содержащиеся в трудах этнографического содержания и периодических изданиях. Кроме того, в диссертационной работе используются материалы, нашедшие свое отражение в работах современных исследователей.

Теоретико-методологическую базу данной диссертационной работы представляют разработки ведущих отечественных специалистов в изучении лексики, лексической и когнитивной семантики, языковой картины мира и прагматики (И.А. Бодуэн де Куртене, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, А.М. Пешковский, А.А. Реформатский, В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, Ю.Н. Караулов, В. Б. Касевич, В.В. Колесов, Э. В. Кузнецова, Г.Н. Складарская, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, Е.С. Яковлева и др.), языка фольклора (Е.Б. Артеменко, М.А. Бобунова, И. С. Климас, С. Е. Никитина, И.А. Оссоветский, О.А. Петренко, С. М. Толстая, Н.И. Толстой, Т.В. Топорова, А.Т. Хроленко, Т.В. Цивьян, О.А. Черепанова и др.), теории текста (М.М. Бахтин, В.М. Гацак, Ю.М. Лотман, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, В. Н. Топоров и др.). Ценные идеи были почерпнуты также из трудов ведущих монголоведов, специалистов в области лингвофольклористики, лексикологии, терминологии и семантики монгольских языков (Б.Я. Владимирцов, Т.А. Бертагаев, Ц.Б. Цыдендамбаев, У.-Ж. Ш. Дондуков, Л.Д. Шагдаров, Г.Ц. Пюрбеев, В.И. Рассадин, Д.А. Сусеева, С.Л. Чарков, М.У. Монраев, В.Э. Очир-Горяев, Т.С. Есенова, Э.У. Омакаева и др.).

Методы исследования. Лексика калмыцких народных песен выявлялась методом сплошной выборки из различных фольклорных собраний, как опубликованных (сборники песен), так и неопубликованных (архивные и полевые материалы). В процессе анализа лексики калмыцкой песни использовались метод научного описания, основанный на контекстуальном и функциональном анализе песенного текста, метод компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции, отдельные приемы доминантного и статистического анализа. Методика доминантного анализа основывается на предположении, что среди наиболее частотных лексем присутствуют ключевые слова, обозначающие доминанты языковой картины мира этноса. Анализу подвергались только тематически / семантически связанные лексемы в ЛСГ.

Научная новизна диссертации определяется как самой постановкой проблемы, так и привлекаемым материалом. Впервые в калмыцкой лингвофольклористике предложено системное описание лексики народной песни в рамках когнитивно-семантического и дискурсивного подходов, предпринята попытка комплексного изучения калмыцкого народно-песенного лексического фонда на основе семантического метода исследования лексики и когнитивной интерпретации ключевых лексем. Новизна проблемы видится в изучении лексико-семантической организации песенного текста с точки зрения отражения в нем фрагментов языковой картины мира. Применяемый инструментарий предлагается как один из возможных способов системного изучения семантики, явленной через лексическую ткань песенного текста. Представление лексического состава народной песни в виде семантических объединений (групп) эксплицирует ее смысловую организацию, позволяет обнаружить представления, стоящие за определенным блоком лексем, тем более что ЛСГ слов на материале песенного текста ранее не выделялись.

Теоретическая значимость состоит в том, что специальное исследование калмыцкой песенной лексики позволяет сделать некоторые обобщения, касающиеся системности лексики современного калмыцкого языка, которые могут быть использованы при разработке общих и частных проблем лексикологии. Обобщение результатов изучения лексико-семантической организации калмыцкой народной песни представляется важным как для раскрытия собственно языковой специфики песенного текста, характеристики системы его изобразительно-выразительных средств, так и для более углубленного исследования языка и стиля фольклора в целом.

Полученные данные могут оказаться полезными при решении вопроса о методике выявления возможностей лексических средств в объективации базовых концептов, обеспечивающих адекватное восприятие любого фольклорного текста.

Практическая ценность диссертации состоит в том, что основные ее положения и результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях лексикологического и стилистического характера, а также в лексикографии и переводоведении, при разработке спецкурсов, учебных пособий и чтении лекций по соответствующей проблематике.

Достоверность полученных результатов обеспечивается репрезентативной выборкой песенных текстов и применением комплексной методики анализа фактического материала.

Гипотеза исследования: Раскрытие потенциальных возможностей основных лексических частеречных группировок (существительных, прилагательных, числительных и глаголов), выделяемых по грамматическим признакам, в текстовой функции фольклорного слова позволит представить упорядоченную совокупность слов, связанных семантическими отношениями.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение лексической системы песенного текста не может ограничиваться только внутрискруктурными отношениями, что и актуализирует когнитивный подход к фольклорному тексту. В связи с этим важным оказывается не столько само описание структурной организации лексики песни, сколько раскрытие потенциала лексических средств для объективации отдельных фрагментов калмыцкой песенной картины мира, репрезентированных в семантической структуре лексикона.

2. Смысловая структура песенного текста представляет собой концептуальную информацию, семантически выводимую из всего текста. Система знаний, стоящая за текстом и составляющая его концептосферу, имеет определенную организацию и способы языковой репрезентации, среди которых ведущее место принадлежит лексическим средствам. Лексика калмыцкого песенного текста представляется в виде определенной системы, обладающей рядом специфических закономерностей и выступающей как семантически и стилистически маркированное выразительное средство.

3. Изучение лексических единиц с различной семантикой на материале калмыцких фольклорных песенных текстов позволяет судить о коллективных представлениях о мире и его базовых категориях (времени, пространстве и т.д.).

4. Неоднородность семантического пространства языка калмыцкой народной песни на разных его участках обусловлено особенностями его категоризации и концептуализации и в конечном счете релевантностью отдельных фрагментов народно-песенной картины мира.

5. Анализ лексической репрезентации различных фрагментов картины мира показывает своеобразие вокабуляра песни. В лексическом составе песенного текста доминируют имена существительные. ЛСГ «бытовая лексика» используется для воссоздания картины традиционного быта калмыцкого народа.

6. Определяющим критерием выявления текстообразующей функции ключевого слова является контекст его употребления в корпусе анализируемых текстов. Доминантный анализ ядерной лексики в исследуемом корпусе калмыцких народно-песенных текстов позволяет выделить ключевые слова, свидетельствующие о многослойности песенного лексикона. Ключевые лексемы в тексте песни выступают носителями фоновой информации (знаний социокультурного характера, которые известны и автору, и получателю текста) и средствами ее передачи. Общность информации определяется принадлежностью к одному этноязыковому коллективу со свойственной ему картиной мира. Носителями фоновой информации в песне выступают имена собственные, этнографические термины и др.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования докладывались на заседании кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета, а также представлялись на научных конференциях, в частности II Межрегиональной научно-практической конференции «Молодежь в науке: проблемы, поиски и перспективы» [Элиста, 2008], Международной научной конференции «Живой язык: теоретический и социокультурный аспекты функционирования и развития современных монгольских языков» [Элиста, 2008], III Всероссийской тюркологической конференции «Урал-Алтай: через века в будущее», посвященной 110-летию со дня рождения Н.К.Дмитриева [Уфа, 2008], и отражены в восьми опубликованных статьях, в том числе 3 – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы обусловлена задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее изученности, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, обозначаются использованные методы, аргументируется научная новизна, формулируется теоретическая и практическая значимость полученных результатов, излагаются основные положения, выносимые на защиту, и структура работы.

Первая глава, посвящённая теоретическим предпосылкам исследования состоит из четырёх параграфов. В первом параграфе дается рабочее определение жанра и рассматривается история вопроса, во втором параграфе представлен обзор существующих классификаций калмыцких народных песен, в третьем параграфе анализируется лингвистическая проблематика песенного текста, в четвертом параграфе выявляются принципы системного описания лексики песен, приводятся результаты теоретического осмысления используемых в диссертационном исследовании терминов и понятий (ЛСГ и др.).

Материал первой главы показывает, что язык песни — это, несомненно, отдельный объект в лингвистическом изучении фольклора вообще. Песня определяется как особый текст, функционирующий в устной традиции и зафиксированный в письменной форме, постоянно актуализирующийся при исполнении и оказывающий сильное эстетическое и эмоциональное воздействие на слушающего. Песенный лексикон представлен различными пластами слов с ярко выраженной выразительной функцией [Климак 1992].

Исходя из определения ЛСГ в трактовке А. А. Уфимцевой и Э.В. Кузнецовой [Уфимцева 1962: 137; Кузнецова 1982], лексика калмыцкой народной песни представляется в виде системы ЛСГ, рассматриваемой в диссертации как инструмент, с помощью которого реализуется когнитивно-семантический подход к анализу песенного текста как способ этнолингвистической интерпретации его лексикона. Описание калмыцкого песенного лексикона базируется на положении о том, что есть два основных и взаимосвязанных способа изучения фольклорной лексики: «регистрация ее инвентаря (слов, конфигураций) — внешний аспект — и исследование специфики фольклорного слова в его системных связях с другими словами текста — внутренний аспект. Специфику фольклорной лексики отражает и количественный аспект ее, но художественно-поэтические возможности народно-песенного слова надо искать только в семантической структуре его» [Хроленко 1992: 7].

Проанализированный материал подтверждает, что все многообразие лексических фактов может быть упорядочено с помощью системы семантических кодов (растительный, животный, кулинарный, цветовой, числовой, пространственный, временной, акциональный, эмотивный, ментальный, ономастический и т.д.).

Особенности фольклорного видения мира проявляются в избирательности лексических средств и прежде всего наименований предметного мира. Предметом исследования второй главы работы является лексико-семантическая характеристика имён существительных калмыцкого песенного текста. В первом параграфе, посвящённом анализу нарицательной лексики, даётся общая характеристика субстантивных ЛСГ. Здесь рассматриваются анималистская, флористическая, ландшафтная, бытовая, локативная и темпоральная, соматическая, онимическая лексика, термины родства.

Особое место в песенных фольклорных текстах занимают фаунистические наименования. В песне отражена тесная связь животных, в первую очередь домашних, и человека.

Совокупность всех домашних животных обозначается лексемой *мал* (скот). В народных песнях представлена довольно детализированная дифференциация видов животных по многим признакам. Все названия можно разделить на следующие группы: общевидовые, половозрастные, по экстерьеру, по масти и т. д. В разряд частотных лексем входят лексемы, обозначающие традиционные четыре вида скота: *мөрн* 'конь', *укр* 'корова', *хөн* 'овца', *темэн* 'верблюд', из которых доминантной является лексема *мөрн* 'конь'.

Лексика, обозначающая снаряжение коня, также находит широкое применение в песенном фольклоре. В рассматриваемых оригинальных текстах калмыцких народных песен представлены следующие лексемы данной ЛСГ: *ногт* 'недоуздок', *төөлг* 'кольцо', *ууд* 'удила', *жзола* 'поводья, вожжи', *хазар* 'уздечка', *цулвур* 'повод, чембур', *арһмжэ* 'аркан, лассо', *деесн* 'веревка', *эмэл* 'седло', *дөрэ* 'стремя', *чөдр* 'пути; тренога', *тах* 'подкова'. Часто в песенных текстах встречается парное слово *ууд-жзола*, которое в контексте народной песни приобретает собирательное значение, подразумевающее все снаряжение коня. Лексемы *арһмжэ* 'аркан' и *һасн* 'столб, кол', объединяясь, образуют сложное слово *арһмжэ-һасн*, обозначающее понятие 'коновязь'.

Лексема *хөн* 'овца' часто встречается в одном контексте со словом *хурһн* 'ягненок'. Обычно овца символизируется как нечто цельное, достигшее совершенства, ассоциирующееся с достатком хозяина, тогда как ягненок есть свидетельство неполноценного, нецельного, несамодостаточного: *Хотхрар*

дүүрц хөөнэснь / Хорхата хурһнь харм болсмб? 'Из овец, которые заполонили низину, / Жаль было одного паршивого ягненка?' [№ 253]; Хашаһарн дүүрц хөөтэ болһлав, / Хамута һанцхн хурһта бээжлэ 'Думала я, что овец у него полон двор, / Оказывается, всего-то у него один чесоточный ягненок' [№ 255]. Анимализм хөн 'овца' зафиксирован и в вокативах. Поющие вопрошают, обращаясь к овце: Хөн, хөн, хөн, / Хаврин хар салькһла / Хажудан юуһан дахулһач?.. / Хурһан эс дахулһачн, / Засгла харһхич 'Овечка, овечка, овечка, / Кого же ты поведешь рядом с собой в весенний сухойей? / Если не примешь своего ягненка, / Будешь наказана'.

Стоит отметить, что в текстах калмыцких народных песен встречается и *яман* "коза", но функция данной лексемы другая — фауноним входит в состав сравнительной конструкции: *Яман хуурһста бор* 'Серко с узкой, как у козы, головой (букв. переносицей)'.

Из обозначений крупного рогатого скота (*бод мал*) в текстах (в основном в бытовых, трудовых песнях) встречается лексема *үкр* (корова): *Үкрэн саһад, чигәһан бүләд...* 'Подбив корову, помешав айран...'. Зафиксированы различные сочетания с лексемой *үкр*: *дүүрсн үкр* 'корова, переставшая доиться в связи с предстоящим отелом, *досл.* наполненная до краев', *кеелтэ үкр* 'стельная корова', *хусрң үкр* 'яловая корова', *туһлта үкр* 'корова с теленком'. Есть названия, характеризующие половозрастные особенности: *күүкн туһл* 'телочка (*досл.* теленок-девочка, теленок-самка)', *һунжн үкр* 'корова трех лет'.

В калмыцких народных песнях встречаются различные номинации верблюда (темән): *инги* 'верблюдица', *ботхн* 'верблюжонок', реже *буур* 'самец'. Лексема *темән* является общей номинацией названного вида скота: *Темән гидг адуснь, адуснь / Теегин өргнднь идиһлэ* 'Именуемое верблюдом животное, животное / Пасется на степных просторах'. К лексемам, обозначающим верблюда по возрасту, относятся *ботхн* 'годовалый верблюжонок', *торм* 'двухгодовалый верблюжонок'.

Анализ анималистской лексики показал, что в калмыцкой песенной поэзии преобладают орнитонимы. Слово *шовун* (птица) широко используется в песнях как номинация обобщенного образа пернатых. Также широко представлены лексемы, обозначающие различные виды птиц: *шаазһа* 'сорока', *итлэ* 'балобан', *элэ* 'коршун', *хун* 'лебедь', *заһлм шовун* 'кобчик', *харицх* 'ястреб', *богшурһа* 'воробей', *бүргд* 'беркут', *харада* 'ласточка', *гекс шовун* 'орел', *керэ* 'ворона', *торһа* 'жаворонок', *тоһрун* 'журавль', *һалун* 'гусь', *һунһн* 'утка', *цең шовун* 'белый аист', *заарг* 'чибис'.

В некоторых случаях названия птиц используются в сравнительных конструкциях для описательной характеристики животных по принципу схожести их внешнего вида или признаков (свойств, качеств): *итлг хоџишарта кер мөрн* 'гнедой с острой мордой, похожей на клюв балобана', с полетом птицы сравнивается быстрота лошади – *заһлм күүм борта билэ* 'был (у него) Серко, способный догнать кобчика' и т.д. Наиболее часто названия птиц используются в песенных текстах в сочетании с прилагательным *сээхн* 'красивый' *итлг сээхн шовун* 'красивая птица балобан', *харџх сээхн шовун* 'красивая птица ястреб' и т.д.

Из наименований рыб, часто встречающихся в калмыцких народных песнях, можно отметить следующие ихтионимы: *бершг* 'мелкий частик', *цурх* 'щука', *баар* 'карась', *цуув* 'лещ', *хорв* 'белуга', *шөрг* 'ёрш'.

Таким образом, анимализмы играют важную роль в воссоздании соответствующего фрагмента языковой картины мира калмыков-кочевников. Доминантность и большая количественная представленность орнитонимов по сравнению с зоонимами и ихтионимами на инвентарном уровне обусловлена своеобразием поэтического взгляда на природу. Для калмыков мир птиц – это прежде всего мир символов и средство сравнения.

Флористическая лексика включает названия как самих растений (деревьев, цветов, трав, кустарников), так и названия их частей (бүчр 'ветка', йозур 'корень', ора 'верхушка' и т.д.). В текстах песен часто встречается субстантивная лексема *ноһан* 'трава', которая в калмыцком языке имеет омоним – прилагательное *ноһан* 'зеленый'. К примеру, в калмыцкой народной песне «Цаһан толһата борнь» («Серко с белой головой») слово *ноһан* 'трава' встречается в следующем контексте: *Эрг деернь хархнь, хархнь, эргидән ноһан шавиша* 'Когда выйдешь на берег, вокруг растет трава, свисая'. Лексема *өвсн* в калмыцком языке также обозначает траву: *Өрүн һарсн нарна герл / Өвснэ бүчр деер мандлде билэ* 'Свет (луч) утреннего солнца / Играл на верхушках травинок' [№ 152]. Указанная лексема может также обозначать и скошенное сено.

Характерными для калмыцких народных песен являются и композиты, образованные основосложением. Показательно в этом смысле парное слово *өвсн-тэрэн*: *Уел болх цагтнь өвсн-тэрэн шарлдна* 'Ко времени прихода зимы вся растительность желтеет' [№ 202]. Слово *тэрэн* обозначает в современном калмыцком языке культурные насаждения, посевы. Парное слово *өвсн-тэрэн* в контексте народной песни обозначает растительность в целом: листву деревьев, луговые травы, культурные насаждения.

Очень часто в калмыцкой народной песне упоминаются названия деревьев: *зандн модн* 'сандал', *бурһсн модн* 'верба', *харһа модн* 'сосна', *агч* 'клен', *уласн* 'тополь'. Так, *харһа модн* 'сосна' упоминается как материал, из которого сделан корпус популярного в народе струнного музыкального инструмента – домбры: *Харһа модн домбриг / Цокн бээжэ шавдитэ* 'Струны домбры, / Что сделана из сосны, / Надо перебирать определенным способом (досл. бить, стегая)'. *Уласн* 'тополь' выступает в калмыцкой народной песне как символ девичьей красоты: *Уласн болжэ урһув, Уул болад курхич* 'Пророс(ла) я топодем, / Ты же обернись горой и дотянись до меня'.

Наряду с названиями деревьев также часто встречаются в текстах калмыцкой народной песни и фитонимы, обозначающие различные цветы, кустарники, травы. Названия цветов в текстах песен в основном используются для описания узора: *Андран багцин арднь-өмнһ* / *Хальмрта альчуаран дайлна, дайлна* 'Со стороны бахчи Андры / (девушка) Машет платочком с узором в виде гвоздики'. Из трав чаще других в калмыцкой народной песне упоминается *шарлжн* 'полынь'. Это неслучайно, поскольку полынь – одно из самых распространенных растений в калмыцкой степи: *Шарлжэ харсн нарна герл / Шарлжһна бүчр деер мандлдг билэ* 'Свет восходящего желтого солнца играл на верхушках полыни' [№ 152]. Фитоним *хулсн* 'камыш' тоже входит в разряд наиболее часто встречающихся. Проведенный анализ показал, что большинство растительных лексем вовлекаются в метафорический процесс, а также функционируют в составе лексических образных средств.

Ландшафтная лексика является неотъемлемой частью лексической системы калмыцких народных песен и отражает специфику природной среды калмыков. В текстах калмыцких народных песен часто встречаются наименования различных водных объектов как природного, так и рукотворного происхождения (гидрографическая лексика). Образ самой воды в первую очередь символизирует течение жизни.

Из проанализированных источников нами выявлен следующий ряд лексем данной ЛСГ: *усн* 'вода', *һоожур* 'ручей', *чалчга* 'лужа', *булг* 'родник', *һол* 'река', *нур* 'озеро', *теңгс* 'море', *дала* 'океан', *хулдг* 'колодец' и др. Самым употребляемым словом является *һол* 'река', что свидетельствует о значимости данного водного источника, играющего важную роль в жизнеобеспечении калмыков-скотоводов. Рассматриваемая лексема обычно маркирует место действия, события, описываемого в песне. Так, в песне «Шарлдан Гавн» река обозначена как место гибели героя: *Эмтин, гинэ, ууһн Шарлдан Гавн / Эармэсн, эармэсн менд күрэд ирлэ, / Асхрһн усиднь орад, өвмэд*

баахнь, / Голын усн гидгтнь өөмэд баахнь, / Хундлта насдан өңгэд одв
 'Самый старший – Шарлдан Гаван, / Пришел с армии живым и здоровым, /
 Заходил в разливные воды и купался. / Купаясь в речной воде, / Ушел из
 жизни в молодые годы'. Река в калмыцкой устной традиции – некая граница,
 разделяющая окружающее пространство на «свое» и «чужое». Преодоле-
 ние пограничного пространства в песне передается словосочетанием *хол*
һатлх 'перебраться через реку': *Баахн, гинэ, кеерэн унэж һарад, / Бальчгта*
һол һатлад һарад ирвл... 'Оседлав молодого гнедого, / Перешел вброд гли-
 нистую речку'. Интересны и определения, характеризующие лексему *хол*:
эргэд гүүдг эол 'река с водоворотом', *асхрсн хол* 'разлившаяся река', *бальч-*
гта хол 'глинистая река' и т.д.

В разряд лексем с большой частотностью употребления можно отнести и
 слово *булг* 'родник'. Если слово *хол* 'река' обозначает стратегически значи-
 мый объект, то слово *булг* 'родник', как правило, обозначает место личных
 переживаний героя. Оно упоминается в следующих сочетаниях: *цегэн булг*
 'прозрачный родник', *кишти булг* 'холодный родник', *һашун булг* 'соленый
 родник', *көж булг* 'голубой родник'.

В лексике калмыцких народных песен выделяется группа, связанная с
 формами рельефа (орографическая лексика). Особой частотностью отмече-
 ны лексемы, обозначающие различного рода возвышенности (гора, холм,
 курган и т.д.). Очень часто в калмыцких народных песнях упоминается лек-
 сема *уул*, выражающая обобщенное понятие «гора». В текстах обычно кон-
 конкретизируется определенная точка (уровень) горы: *ора* 'вершина', *ташу*
 'склон', *бел* 'подножие'. Понятие 'подножие возвышенности' передается и
 другими лексемами, в частности, посредством соматизма *су* 'подмышки'.
 Это слово употребляется в сочетании со словом *толһа* 'курган', которое
 также обозначает географический объект, но не всегда природного проис-
 хождения. Курган мог быть местом захоронений.

В песнях упоминаются природные объекты, обозначающиеся лексемой
адрг 'холм': *Адрг деернь һархнь, / Ээмг-алвтнь дүңгэд билэ* 'Когда подни-
 мешься на холм, / Величаво открывались владения'. К наиболее употребляе-
 мым ландшафтным терминам можно отнести лексему *эрг* 'крутой берег,
 круча, яр'.

Семантический анализ ландшафтных терминов показывает, что геогра-
 фический рельеф выступает часто не только как показатель вертикальной,
 но и горизонтальной линейности. При этом уровень высоты объекта харак-
 теризует восприятие человеком окружающего мира. С вершины горы *уул*

обозревается *алтн делкэ* 'вселенная, земной мир', с вершины холма *адрг* видны *ээмг-алэвт* 'владения', а высота кургана соотносима с расстоянием, позволяющим услышать крик журавлей (*Тохрун шовунь доңһдна*). Такая интерпретация в песне расстояния неслучайна, так как у калмыков существует реальная пространственная координата, передаваемая словосочетанием *дууна һазр* 'пространство на расстоянии голоса'. Лексемы *уул* 'гора', *адрг* 'холм', *толһа* 'курган' в определенных сочетаниях обозначают в песенных текстах расстояние по горизонтали, указывают на конкретную местность и фиксируют исходную точку начала определенного действия. Ландшафтная лексика широко привлекается для номинации как положительных, так и отрицательных форм рельефа. К последним, например, относится балка, лощина (*сала*).

Бытовая лексика включает номинативные единицы, обозначающие предметы и явления быта: это наименования жилища и его частей; наименования одежды и элементов декора; наименования пищи; наименования посуды и домашней утвари. В составе бытовой лексики калмыцкого песенного текста выделены следующие ЛСГ: «названия одежды», «названия головных уборов», «названия украшений», «названия орудий труда», «названия кухонной и домашней утвари», «названия жилищ и хозяйственных построек», «названия сбруи и упряжи», «названия музыкальных инструментов», «названия транспортных средств».

К ЛСГ «названия одежды» относятся вестонимы (слова, обозначающие разновидность одежды, различные ее детали, наименования материалов для изготовления одежды, основные термины, связанные с ее отделкой. В оригинальных образцах песенных текстов выявлены следующие лексемы: а) обозначающие виды одежды: *хувцн* 'одежда', '*киилг*' рубашка', *бүшмүд* 'платье; бешмет', *терлг* 'женское платье без рукавов', *цегдг* 'сарафан, женское платье без рукавов', *лавшг* 'накидка, халат', *шалвр* 'брюки, штаны', *уч* 'шуба' (меховая), *шинэл* (замств.) 'шинель', *альчур* 'платок', *өрмг* 'армяк; шинель'; б) обозначающие детали одежды: *дахм* 'нагрудный карман – дерб.; небольшой кармашек, напр., для часов - *торгут.*', *шуңһриг* 'штанина – разг.', *ханцн* 'рукав', *бус* 'пояс', *хорма* 'подол', *товч* 'пуговица', *шиврлг* 'накосник'; в) обозначающие наименования материалов для изготовления одежды: *эд* 'ткань, материал', *торһн* 'шелк', *шеемг* 'шерстяная ткань', *цегмн* 'сукно', *батис* 'батист', *сатин* 'сатин', *сиитц* 'ситец', *булһар* 'юфть', *арсн* 'кожа'; г) обозначения, связанные с отделкой одежды: *утицн* 'нитки'.

Общий термин, обозначающий одежду в калмыцком языке, – это 'хувцн'.

Важное значение в описании одежды имеют детали. В лирической песне «Богшурһас» упоминание такой детали, как рукав платья, используется автором как приглашение к близкому общению. В песне лирический герой прибегает к необычному приему: просит свою возлюбленную, если она отвечает взаимностью, подвернуть ему рукава бешмета: *Хээрлдг иньгм болхнь, / Ханцим шаглад өглч*. Есть в калмыцкой одежде и такая деталь, как потайной кармашек. В дербетском диалекте она используется для обозначения внутреннего нагрудного кармана, в торгутском – небольшого кармашка для предметов личного пользования, например, часов. В песне «Чумдана Буһиң» лексема *дахм* используется в значении внутреннего нагрудного кармана: *Дөрвлэжн конвертта бичигг / Даймдчн дурад өглэлэ* ‘Письмо в четырехугольном конверте / Отдал тебе, положив в нагрудный карман’. Карман может обозначаться и лексемой *хавтх*, но тогда это будет накладной карман.

Пояс – очень показательная деталь одежды: характеризует, кто хозяин, каков его статус, насколько он состоятелен в материальном плане. Примеры из народных песен наглядно это демонстрируют: *Өргн, гинэ, мөңгн, гинэ, бүснь, бүснь / Өрчин махн дээрнь шигддг-лэ билэлэ* ‘Широкий серебряный пояс его / Очень туго опоясовал (досл. впивался в тело) [№ 32]; *Хар торһн бүснь / Хавсна махар шигднэ* ‘Черный шелковый пояс ее / Врезался в ребра’. В первом случае обладателем широкого серебряного пояса является мужчина, а обладателем шелкового пояса могла быть только женщина.

К числу самых частотных лексем, обозначающих материал для изготовления одежды, можно отнести слово *торһн* ‘шелк’. В повседневной жизни девушки, женщины носили платья из недорогих материалов. В песенных текстах наиболее часто упоминаются *шеемг* ‘шерстяная ткань’, *цемгн* ‘сукно’, *батис* ‘батист’, *сатин* ‘сатин’, *сиитц* ‘ситец’, *арсн* ‘кожа’.

Из наименований украшений, активно используемых в песнях, отметим *токуг* ‘подвеска к накоснику’, *билцг* ‘кольцо’, *сиик* ‘серьги’. При указании этих видов украшений обязательно отмечается и материал, из которого они изготовлены. Например, *алтн токуг* ‘золотые подвески’, *цаһан мөңгн токуг* ‘серебряные подвески’, *улан мөңгн токуг* ‘медные подвески’, *хала мөңгн токуг* ‘подвески, изготовленные из недорогих сплавов’ (досл. жестианые); *сармта алтн билцг* ‘черненное золотое кольцо»; *сусн сиик* ‘серьги из жемчуга’.

В песенных текстах зафиксирована лексема *махла* ‘шапка’, обозначающая головной убор. Она встречается в следующих сочетаниях: *хурсх махла* ‘мерлушковая шапка’, *тамша махла* ‘круглая шапочка у девочек’, *халмг махла* ‘женский головной убор’, *шамлдг махла* ‘шапка с отворотом’, *залата*

махла ‘шапка с кисточкой’. Использование названий головных уборов может нести определенную семагтическую нагрузку. В калмыцкой народной песне «*хатлһна һанц модн* («Одинокое дерево у брода») используется интересный прием: факт обретенной с головы шапки, которую носят девочки, символизирует окончание беззаботной жизни в доме родителей: *Талтиһар өсгсн Белгим / Тамша махлаһинь уңһав* ‘С возвращенной в свободе моей (девочки) Белг / Сбросили шапочку тамша’.

В песенном тексте активно функционируют тропонимы, обозначающие продукты питания и названия блюд. Общее название пищи в калмыцком языке – *хот* ‘еда, пища, кушанье’. Молочная пища, молочные продукты именуется *цаһан идән* (досл. белое кушанье), напр., *Цасн хээлхин алднднь / Цаһан идәнһ авгдна* ‘В пору таянья снега / Получаем молочную пищу’. Именно в это время скот приносит приплод, и, естественно, в рационе калмыка увеличиваются продукты молочного происхождения.

Цэ «чай» – излюбленный напиток калмыков: *Актюбин һольһин уснь, уснь / Агтахн цээдән зокмжста билэл* ‘Вода реки Ахтуба / Была пригодна для заваривания крепкого чая’. Из напитков в текстах песен часто упоминаются *усн* ‘вода’, *эрк* ‘водка’, *арз* ‘крепкая молочная калмыцкая водка, дважды перегнанная’, *киити хар* ‘водка (досл. холодная черная)’, *эрк-чигән* ‘алкогольные напитки’.

Широко представлены в текстах калмыцких народных песен лексемы, обозначающие предметы домашней утвари (*ааһ* ‘пиала’, *агч ааһ* ‘кленовая пиала’, *шаазн* ‘фарфоровая пиала’, *хээсн* ‘казан’, *бортх* ‘кожаный сосуд’), названия предметов убранства кибитки (*тулһ* ‘тренога’, *көшг* ‘полог, занавес’, *дер* ‘подушка’, *көнжл* ‘одеяло’); названия мебели (*ширэ* ‘трон; стол’, *авдр* ‘сундук’, *орн* ‘кровать’), названия жилищ и хозяйственных построек, строительных материалов (*гер* ‘кибитка’, *шивэ* ‘крепость’, *бээшн* ‘дворец’, *уһн* ‘жердь для поддержания верхнего круга кибитки’, *шуург* ‘шест’, *ишкэ* ‘войлок’), названия предметов личного пользования (*һанз* ‘курительная трубка’, *сурул* ‘мундштук’, *тайг* ‘трость’), названия различного вида оружия и его деталей (*бу* ‘ружье’, *тов* ‘гаубица’, *сумн* ‘стрела, пуля’, *саадг* ‘лук’, *үлд* ‘меч’, *жид* ‘копье’, *товин сумн* ‘снаряд’, *утх* ‘нож’, *тоңһрг* ‘перочинный нож’, *чавг* ‘курок’), названия орудий труда (*хурвч* ‘наперсток’, *хэач* ‘ножницы’, *чавчур* ‘тляпка, мотыга’, *күрз* ‘лопата’), названия различных видов гужевого транспорта (*тергн* ‘телега’ *хозлг* ‘двуколка’) и др.

В текстах песен жилище разграничивается функционально: *гер* – это изначально ‘войлочная кибитка’ (в более поздних песенных образцах эта лек-

сема в сочетании с определением обозначает разные виды жилища – *шавр гер* ‘землянка’, *модн гер* ‘деревянный дом’), *жолм* ‘жоломейка, кибитка из жердей (без решетчатых стенок) и кошмы’, *өргэ* ‘дворец’, *чачр* ‘шатер’, *хош* ‘вторая кибитка при главной’ и т.д. Судя по песням, жилище всегда строго соответствует статусу хозяина. Хозяином ставки является хан, в белой войлочной кибитке живет богатый человек, бедняк вынужден жить в жоломейке: *Ик цаһан гертэ болһлав, / Иргнь шуурха жолмта бээжлэ* ‘Думала (я), что есть (у него) большая белая кибитка, / Оказалось, дырявая жоломейка была’.

В калмыцких народных песнях широко представлена **темпоральная лексика**. Наибольшая точность временной ориентации достигается с помощью субстантивного обозначения. Ядерным словом, эксплицирующим концепт времени в калмыцком языке, выступает существительное *цаг* ‘время’. Ключевыми лексемами являются *өр* ‘рассвет’, *хар өр* ‘предрассветное время’, *өрүн* ‘утро’, *үд* ‘полдень’, *бүрүл* ‘сумерки’, *асхн* ‘вечер’, *сө* ‘ночь’ и т.д.

День, дневное время в текстах калмыцких народных песен часто противопоставляется ночи. *С?* ‘ночь’ в традиционном укладе кочевника связана с ночной деятельностью, что и демонстрирует пример из песни «Хар делтэ халюнь» («Буланый с черной гривой»): *Хай! Хар ажрһта адуһиг, гинэв, / Харһу сөөднь хэрүллэв* ‘Хей! Табун с вороным жеребцом / Пас я темной ночью’.

Некая условная граница между вечером и днем, когда солнце ушло за горизонт, но темнота в привычном понимании еще не наступила, в тексте песни обозначается лексемой *бүрүл* ‘сумерки’: *Асхн бүрүл тасрхла, / Алтн сарнь шована* ‘Когда уходят (досл. прерываются) сумерки, / Выглядывает золотой месяц’.

Для обозначения момента речи в народных песнях очень часто используется лексическая единица *ода* ‘сейчас’. Временное представление о прошедшем, настоящем и будущем может передаваться лексемами *өцклдүр* ‘вчера’, *эндр* ‘сегодня’, *маһндур* ‘завтра’: *өцклдүр өдрэс нааран / Зүркн мини бульгһна* ‘Со вчерашнего дня / Сердце мое стучит (трепетно)’ [№ 71]; *Маһндур асхн ирхв гһһэд / Докъялдг бил?* ‘Дает знаки, / Что прибудет завтра вечером’.

Неточное, приблизительное время указывается послелогом *алднд* ‘примерно, около’ (*үдин алднд* ‘примерно, в полдень’, *асхн алднд* ‘ближе к вечеру’): *Доһан-ла часин / Алднд, алднд, / Дахуһад һарад одсн / Зэңгичн соңслав* ‘Слышал я, / Что увезли тебя, / Примерно, в семь часов’. Понятие постоянства, бесконечности во времени выражается наречием *оньдин* ‘всегда, беспрерывно, постоянно’.

Таким образом, к песенным темпоративам мы относим помимо общих названий времени наименования циклически повторяющихся крупных отрезков времени (жил/год, сар/месяц), названия основных частей суток (өдр/день, сө/ночь), термины, связанные с временным исчислением жизни человека (насп/возраст), календарные номинации.

Широко представлена в калмыцкой народной песне **соматическая лексика**, обладающая своей спецификой, обусловленной образным, поэтическим языком песенного стиля. По данным анализируемого корпуса песен, образ человека телесного представляет собой один из наиболее значимых фрагментов фольклорной картины мира: человеку свойственно соотносить свою ориентацию в пространстве, прежде всего, с частями своего тела.

В текстах песен нами выявлены следующие лексемы, обозначающие названия частей тела, которые можно подразделить на следующие подгруппы: 1) названия головы и её частей – *толһа* 'голова', *һудһи* 'глаза', *һумсг* 'брови', *һамр* 'нос', *амһ* 'рот', *һудһн* 'зубы', *һирэ* 'лицо', *һикһи* 'ухо', *һалх* 'щека' *һаһл* 'борода, усы', *һсһ* 'волосы', *һалу* 'локоны', *һуһл* 'коса'; 2) названия шеи и туловища – *һуһун* 'шея', *һеһж* 'грудь', *һөкһн* 'женская грудь', *һүвэ* 'боковая часть грудной клетки', *эһм* 'плечо', *дал* 'лопатка', *һавсһн* 'ребро', *һурһн* 'спина, позвоночник', *һуһчһ* 'мускул, мышца'; 3) названия верхних и нижних конечностей – *һөһ* 'нога', *һаһһа* 'лодыжка', *һилһ* 'голень, голенная кость', *һиһир* 'голень', *һөрв* 'подколенные сухожилия', *һуй* 'ляжка', *һимһн* 'кость (трубчатая)', *һар* 'рука', *һотр* 'рука, длань, десница', *һальһн* 'ладонь', *һала* 'межпальцевые перепонки', *һурһн* 'палец', *һерһн уга* *һурһн* 'безымянный палец', *һигчэ* 'мизинец'; 4) названия внутренних органов – *һөрч* 'диафрагма', *эһкһн* 'печень', *һуркһн* 'сердце', *һөөр* 'почки'.

Для портретной характеристики героя используются различные сочетания слов с лексемой *һамр* 'нос' – *һөһ һамрта парһиһс* (французы с носами величиной в пядь), *эһрмэһи һамрта* (с носом, как у армянина) и т.д.

Соматизмы, например, *эһкһн* 'печень', часто выступают в составе устойчивых словосочетаний: *эһкһн урһс* 'болеть душой' (*Эһкһр ээжэһн санһиһ*, / *Эһкһм минһи урһна* 'Когда вспоминаю любимую матушку (свою), / Душа моя болит'). Интересен пример употребления лексемы *эһкһн* в песне «Сал гһдг һол» (Река Сал): *Эһгһн болһсһн ээжэ минһи / Эһкһнд минһи уята* 'Старенькая матушка моя / Всегда в моей душе (досл. пришта к печени)'.

Немало примеров употребления в песенных текстах устойчивых словосочетаний со словом *һөһ* 'нога': *дэһнэ һөһд* 'на полях сражения'. В некоторых случаях употребление лексемы *һөһ* 'нога' в различных сочетаниях связано с

поведенческой характеристикой: *көлән болһаж ишкх* 'быть осмотрительным (букв. ступать осторожно)'. В калмыцкой народной песне мать, выдающая дочь замуж, наставляет: *Күүнә һазр күндтә болдмн, / Көлән болһаж ишкх* 'Чужая земля требует особого отношения (досл. уважения), / Ступай осторожно'.

Анализ соматизмов показал, что лексическая репрезентация концептосферы «человек телесный» в калмыцкой песне связана с архаическими представлениями калмыков о теле человека и его функциях.

Лексика родства относится к древнейшему общемонгольскому фонду и указывает как на сложность и разветвленность традиционной системы родственных отношений, так и на характерные для калмыков способы их осмысления. Кроме номенклатуры родства, наиболее изученной в лингвистическом и этнографическом отношении, особого внимания с когнитивной точки зрения заслуживает лексика, относящаяся не к «субъектам» родства, а к самому родству. Общее понятие родства обозначается лексемой *төрл* 'род'. в текстах калмыцких песен были выявлены следующие термины родства: *аав* 'отец папа; дед, дедушка', *ээж* 'мать, мама; бабушка', *аав-ээж* 'родители', *һаһх* 'дядя по материнской линии', *зе* 'внук по дочерней линии; племянник по женской линии'; *ах* 'брат', *дү* 'младший брат', *аһнр-дүүнр* 'братья', *күүкн* 'дочь', *көвүн* 'сын'. Наиболее часто встречается лексема *ээж* в значении 'мать, матушка, мама' [Дякиева, Омакаева 2012].

Во втором параграфе, посвященном **онимической лексике**, рассматриваются два основных разряда имен собственных: это антропонимы и топонимы. Антропонимический фонд калмыцких народных песен отмечается богатством и разнообразием, включая как исконные имена, так и заимствования, личные имена санскритского, тибетского, тюркского и русского происхождения (Мазан-Батыр, Шоно-Батыр, Миитгыр и Галдама). Имена героев фигурируют в калмыцких народных лирических песнях: «Киштя», «Кеемя», «Делгир», «Гоонуш», «Чумдана Булган», «Баавин Цаган», «Кензя нойхн», «Саара», «Цагане», «Адыш», «Буйнта», «Ногала», «Торлан», «Котуш», «Намджил» и др.

В калмыцких песенных текстах наряду с антропонимами встречаются топонимы — хоронимы (названия различных стран, царств и кочевий); оронимы (названия гор, хребтов, холмов, возвышенностей и других орографических объектов); гидронимы (названия океанов, морей, рек, озер, родников и других водных источников). Типичны для топонимической системы песенного текста двусловные наименования: *Көк теңс, Цаһан Нур, Хар теңс*.

Манц гидг холнь –/ Мануртсн сээхи хол 'Река под названием Маныч – / Синеющая (вдали) красивая река'. Чаще других в текстах песен мы находим упоминание гидронима *Ижл хол* 'река Волга': *Ирхин седкл бээхлэ, / Ижлин усн чальчагл* 'Если есть желание прибыть, / То воды реки Волги – не преграда (досл. всего лишь лужа)'. В рассматриваемых нами текстах встречаются названия гор: *Сөмр уул, Алта уул, Ханга уул, Тавн уул*.

Таким образом, поэтические онимы выполняют в песенном тексте не только индивидуализирующую, но и символьную, прагматическую функцию, характерную для прецедентных имен.

В главе III дана лексико-семантическая характеристика имён прилагательных и числительных, реализующих в калмыцком песенном тексте признаковый и нумеративный код. Доминирующей в песенном тексте выступает колоративная лексика, хотя встречаются и другие группы адъективной лексики: оценочные прилагательные, параметрические, прилагательные размера, формы, вкуса, запаха и др.

Первый параграф третьей главы посвящён описанию цветообозначающей лексики. Общее количество наименований цветов и их оттенков в песенных текстах равно 35. ЛСГ цветообозначений представлена восемью микрогруппами: белого, чёрного, серого, синего, жёлтого, зелёного, красного, коричневого цветов. Наряду с узуальными, стилистически нейтральными цветообозначениями встречаются номинации реалий и предметов, имплицитно содержащие сему цвета (*өңг*).

Приведённый анализ цветообозначений показал, что специфика калмыцкой песенной цветовой картины мира состоит в том, что здесь доминируют ахроматические цвета. Из ряда слов, используемых для вербализации концепта «цвет», к наиболее частотным цветовым наименованиям в песенных текстах относится лексема *цаһан* 'белый'. Белый цвет является основой для создания контрастных картин: *Дегд цаһань киртэд одна, / Дегд иһьгнь хольжад одна* 'На белом контрастна грязь (досл. Слишком белое становится грязным), / Разлука с близким (человеком) тяжела (досл. Слишком близкий становится далёким)'.

Для обозначения различных оттенков белого цвета в текстах песен используются слова-усилители, напр., *чиндр цаһан* 'исключительно белый', *цасн цаһан* 'белоснежный' – *Цастын цаһан уул* 'Белоснежная гора'. В песне «Бичкн арлын хулсн» («Камыш маленького острова») имеется пример необычного сочетания, характеризующего оттенок белого – *чиндһн цаһан* 'цвета белого кролика' – *Чиндһн цаһан альчуричиг / Чирэ дээрэн сэрвүлүнэч* 'Платком цве-

та белого кролика / Размахивашь ты над лицом своим'. Колоратив *цаан* 'белый' очень часто в песенном контексте имеет переносное, символическое значение, например, *Цаан санагар йовхнь, йовхнь, / Ахрин үүль бүтнэ* 'Если идти с добрыми намерениями, / Дела братьев старших свершаются'.

Колоратив *хар* 'чёрный' употребляется преимущественно в роли цветообозначения 'тёмный'. Анализ употребления лексемы *хар* в песенных текстах показал, что данное прилагательное имеет следующие значения: 'чёрный', обозначающий цвет; 'голый' в значении 'земля, лишённая растительности'; 'иссушающий' (ветер); 'смуглый', характеризующий цвет кожи; 'злой'.

Широко представлен в песне красный цвет. Иногда для обозначения красного цвета указывается предмет с характерным цветовым признаком, например, румяные щёки девушки сравниваются с красным яблоком: *Альмн улан халхтач, / Атхр хар үстэч, / Альвн-дольвн чамалан / Альк насдан мартхв* 'Щеки твои подобны красному яблоку, / Волосы у тебя завиваются, / Саму тебя, шаловливаю, / Никогда (в жизни) не забуду'. Следует отметить и значимость в песенном тексте серого цвета (бор).

Чаще всего в народной песне для характеристики коня используются лексемы, указывающие на его масть. Название калмыцкой народной песни «Сайг сээхн саарл» («Красивый буланый иноходец») говорит само за себя, указывая на конкретную породу *сайг* (иноходец) и масть *саарл* (буланый) коня. К наиболее частотным можно отнести следующие названия масти коня: *бор* 'серый', *кер* 'гнедой', *зеерд* 'рыжий', *саарл* 'буланый', *буурл* 'чалый', *шарһ* 'соловый', *хоңһр* 'саврасый', *цэвдр* 'игрневый', *хар* 'вороной', *алг* 'пегий', *халтр* 'мухортый', *күрң* 'бурый' и т.д. Как показал анализ текстов калмыцких народных песен, в описании масти имеются различия в зависимости от жанра песни. В исторических песнях упоминаются скакуны определенной масти. В текстах же лирических песен, где говорится о простых человеческих отношениях, чувствах, переживаниях, как правило, допускается смешение различных оттенков масти, используется широкая цветовая гамма.

Таким образом, наименование цвета в песенном тексте – это абстракция особого рода, находящая опору в каком-то природном цвете. Анализ песенных текстов показал, что в подборе цветообозначений проявляются этические и эстетические представления народа. Стилистическая функция цветообозначения-эпитета заключается в придании слову выразительности, экспрессии, подчеркивании тех свойств предмета, которые релевантны для воплощения идейного замысла и эстетических установок. В диссертации не только выделены наиболее частотные цветовые наименования в песенных тек-

стах, но и установлены нецветовые значения (символические, метафорические), развиваемые в тексте колоративными лексемами.

Нумеративная лексика, анализируемая во втором параграфе третьей главы, включает в свой состав числа, обозначающие малые и средние величины. Из первого десятка по частоте употребления выделяются числа *хойр* 'два' и *хурви* 'три'. Интересно отметить, что в рассматриваемых калмыцких народных песнях эти числа встречаются с одинаковой частотностью – 28 раз. В большинстве случаев лексема *хойр* в калмыцких народных песнях употребляется для обозначения конкретного числа предметов: *Хойр уулын хоорнд* 'Между двух гор', *Хойр уулын белднь* 'У подножия двух гор'. Среди самых высокочастотных чисел в народной песне зафиксирован нумератив 10. Семантика данного числа выявляется из целого ряда образований: *арви давхр шивэ* 'крепость с десятью защитными укреплениями', *арви цаһан хурһн* 'десять белых пальцев', *арви герин ахлач* 'глава рода (досл. десяти семей)', *ацата арви темэн* 'десять навьюченных верблюдов', *саалин арви укр* 'десять дойных коров' и т.д. Очень часто числовая характеристика используется для обозначения возраста песенного героя. Особенно показательна в этом смысле лирическая песня, возраст героя которой колеблется в пределах семнадцати-девятнадцати лет.

Таким образом, числовой код в песенном тексте представлен прежде всего нумеративами первого десятка.

Глава IV посвящена выявлению основных ЛСГ калмыцких глаголов, встречающихся в песенных текстах. Проблема взаимодействия языка и мышления проявляется наиболее ярко в семантике глагольных единиц как сложных номинаций, представляющих ситуацию. Исследуемые в работе глаголы представляют собой часть более крупной подсистемы – акциональных глаголов. Глаголы можно условно разбить на четыре группы. Наиболее многочисленной является ЛСГ глаголов движения.

Глаголы движения (ГД), представляя собой систему лексических единиц, с помощью которых объективируются различные типы движения, демонстрируют достаточно широкий когнитивный потенциал. У исследователей нет общепринятых критериев для их выделения. Для традиционной трактовки характерно узкое понимание; широкое понимание данной ЛСГ объединяет глаголы собственно движения и глаголы со значением перемещения в пространстве. Наконец, к ГД можно отнести все глаголы с общей семой движения, противопоставляя их глаголам с общей семой покоя.

Семантической доминантой ЛСГ калмыцких ГД является глагол *йовх*

‘ходить, ездить, двигаться’, обобщённо выражающий семантику всей группы: *Наркомин закер атхад*, / *Нэрхи шарм йовэжана* ‘По распоряжению наркома (досл. сжав в руках распоряжение), / Отправляется худенький светлый (досл. желтый) мой (сын авт.)’. Остальные глаголы относятся к ГД с дифференциальными семантическими признаками.

ГД часто обозначают движение по векторному направлению (*темих* ‘устремляться, направляться’, *орх* ‘направляться; идти куда-либо’, *мордх* ‘отправляться в дорогу, уезжать’, *хольэжх* ‘отдаляться, удаляться’, *дахх* ‘следовать за кем-чем-либо’, *нуух* ‘кочевать’). Анализ употребления ГД в калмыцком народном песенном творчестве позволяет сделать вывод о том, что они занимают одно из ведущих мест в системе средств репрезентации пространственных отношений, задействованы в обозначении как горизонтального, так и вертикального членения жизненного пространства калмыков, обогащая тем самым знания об окружающем мире. ГД детализируют способ перемещения в пространстве и передают дополнительные значения, связанные с указанием начала движения, пути и иногда цели движения, каковыми в большинстве случаев являются либо географические объекты, либо материальные объекты, фиксирующие границу, например, дерево, река, дом и т.д.

Глаголы звучания в текстах калмыцких народных песен образуют довольно обширный пласт лексики, что позволяет выделить их как отдельную ЛСГ. Слова этой группы обладают двойственной природой. Поскольку глаголы звучания тесно связаны с миром предметов, производящих звуки, они характеризуются яркой денотативно ориентированной семантикой. Глаголы звучания в текстах калмыцких народных песен в основном носят звукоподражательный характер и делятся на следующие группы: 1) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые живыми существами; 2) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые человеком; 3) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые неживыми предметами. К первой группе можно отнести глаголы, характеризующие крики птиц: *доңһдх* ‘петь, кричать (о птицах); ворковать (о голубях); гоготать (о гусях)’: *Һалун нег доңһдхла*, *хавр ирдг* ‘Когда один раз крикнет гусь, то приходит весна’ и *жиргх* ‘щебетать, чирикать’.

Глаголы речемыслительной деятельности делятся на глаголы говорения и мышления. Методом сплошной выборки из оригинальных образцов творчества калмыков были выбраны следующие глаголы речи: *келх* ‘говорить’, *күүндх* ‘разговаривать’, *гих* ‘говорить (для передачи прямой речи)’, ‘спраши-

вать, отвечать (*в диалоге*), *ам алдх* 'проронить слово', *магтх* 'хвалить, славить', *буульх* 'восхвалять', *кевихх* 'говорить складно', *бурх* 'болтать, пустословить, бормотать', *зэвчлх* 'обсуждать, советоваться', *хэрү өгх* 'отвечать', *хэрүцх* 'возражать'.

Наиболее часто из глаголов мышления в текстах песен встречается глагол *санх* в форме страдательного залога *сангдх* 'вспоминаться': *Өл-маңхн тоһрун / Өрүн, асхиднь доңдһна, / Өврлэд өскен ээжэ мини / Өрүн, асхиднь сангдһна* 'Сизо-белый журавль / Призывно курлычет по утрам и вечерам, / Грудью вскормившая матушка моя / именно в эту пору (*досл.* по утрам и вечерам) вспоминается'.

Среди глаголов состояния наиболее частотными являются глаголы *генх* 'страдать, мучиться', *зовх* 'горевать, сожалеть', *уйдх* 'грустить, тосковать', *гейрүх* 'унывать, быть подавленным горем, тосковать'; *өөлх* 'обижаться', *уульх* 'плакать', *асхрулх* 'проливать слёзы', *ууляд-унжх* 'плакать, всхлипывая'. В качестве примера «глаголов, характеризующих состояние радости» можно привести глаголы *байрлх* 'радоваться', *жирһх* 'быть счастливым, блаженствовать, наслаждаться', *дурлх* '1. любить; влюбляться; 2. желать; хотеть'.

Анализ эмотивных глаголов показывает значимость для песенного текста глагольных средств выражения эмоций, прежде всего «базовых» (грусть, гнев, радость, любовь и страх), и позволяет сделать вывод о том, что слова, формирующие семантическое поле эмоций, в частности глаголы эмоционального состояния, обладают сложным, комплексным значением, требующим особых знаний не только о языковых законах, но и о природе денотата.

Таким образом, в калмыцкой народно-песенной лексике четко разграничиваются ядро и периферия. Ядро – это совокупность ключевых слов песенного жанра, периферия – все остальное.

В **Заключении** обсуждаются результаты проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения обсуждаемых в диссертации проблем.

Проведенное исследование, подтвердившее возможность системной таксономизации и классификации песенной лексики на материале ЛСГ по выделенным нами когнитивно-семантическим параметрам, открывает перспективы дальнейшего фронтального изучения лексической системы языка калмыцкой народной песни в аспекте функционально ориентированного моделирования не только песенного лексикона, но и других жанров калмыцкого фольклора.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:
Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах:

1. Горный ландшафт в калмыцкой народной песне сквозь призму языка. Мир науки, культуры, образования. г. Барнаул. – 2009. – № 7. – С. 68-69.

2. Стилистическая роль эпитета в калмыцкой народной песне сквозь призму адъективной лексики (на материале номинаций масти коня). Научная мысль Кавказа. Ростов-на –Дону. Изд-во Северо-Кавказского НЦ ВШ. Спецвыпуск. 2010. – №4. Ч.2 . – С. 34-37.

3. Песенный текст как объект лингвистического исследования сквозь призму языковой картины мира: состояние и перспективы изучения (на материале лексики калмыцкой народной песенной поэзии). Научная мысль Кавказа. Ростов-на –Дону. Изд-во Северо-Кавказского НЦ ВШ. Спецвыпуск. 2010. – №4. Ч.2 . – С. 27-31.

* * *

4. Человек и время как ключевые слова в публицистике Д.Н.Кугультинова (лексико-стилистические особенности). // Материалы Международной научной конференции «Феномен личности Давида Кугультинова – поэта, философа и гражданина. Элиста. – 2007 г. – С. 132-134.

5. Текст и проблема картины мира в контексте перевода (на примере народной песенной поэзии калмыков). Урал-Алтай: через века в будущее. / Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н.К.Дмитриева. Уфа. 2008 г. – С. 175-179.

6. Семантика глаголов движения в калмыцкой народной песне // Материалы Кичиковских чтений Элиста, 2012. – С. 131-133.

7. Фитонимы в калмыцкой народной песне // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве Материалы международной практической конференции. Элиста. 2009. – С. 165-167.

Подписано в печать 23.05.13. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 1,39.
Тираж 100 экз. Заказ 2127.

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11